

ГЖЕГОЖ В. КОЛОДКО: «СЕЙЧАС ВАША ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАМНОГО ЛУЧШЕ, ЧЕМ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД»

74 (3470) 13 апреля 2005 г.

http://www.ng.ru/ideas/2005-04-13/7_kolodko.html

Главный архитектор польского чуда советует Путину использовать «нефтяное благополучие» для проведения реформ

Леонид Букатин

В Москву приехал один из ведущих экономистов мира, директор исследовательского центра TIGER Гжегож В. Колодко. Господин Колодко известен прежде всего своими заслугами на посту заместителя премьер-министра и министра финансов Польши (1994–1997, 2002–2003 гг.) – именно при нем польская экономика росла наиболее быстрыми темпами. Наш корреспондент встретился с профессором на международной научной конференции «Перестройка для страны и мира: как она видится двадцать лет спустя» в здании президиума Российской академии наук, где г-н Колодко читал доклад об уроках перестройки.

– Господин профессор, что привело вас в Москву?

– Я приехал по приглашению академика Александра Некипелова. Он не только вице-президент Академии наук, но и директор Московской школы экономики МГУ имени Ломоносова. В этой школе я читаю лекции по проблемам переходных экономик, по глобализации и либерализации.

– Как вы называете российскую экономику в своих лекциях студентам МШЭ МГУ: переходной или рыночной?

– Конечно, переходный период еще не закончился. Самое важное – это построение институтов, обучение новым правилам всех участников экономического процесса: и администраторов, и бизнесменов. Ведь трансформация – это не только дерегуляция. И отмена принципов плановой экономики вовсе не означает, что экономика автоматически становится рыночной. Для этого требуется много лет. Это касается большинства бывших социалистических стран, хотя мы и можем констатировать, что Польша, к примеру, по состоянию на 2005 год больше продвинулась по пути построения рынка, чем Россия. Но и Россия уже совсем не та, что 10 лет назад. И вашу экономику я бы назвал более рыночной, чем, скажем, экономику Казахстана.

– Вы были министром финансов и первым вице-премьером польского правительства в течение многих лет. Что бы вы посоветовали своим российским коллегам по поводу Стабилизационного фонда? У нас в стране ведется широкая дискуссия о том, стоит ли откладывать эти деньги на «черный день» или же лучше тратить их на инфраструктурные проекты, к примеру.

– Раз это стабилизационный фонд, то и работать он должен на стабильность. Такой фонд есть и в Норвегии. Сейчас рыночная конъюнктура складывается для России выгодным образом, цены на нефть – высокие. Но за этими хорошими годами могут прийти и плохие. Нынешнее благополучие – это счастье России, но оно не зависит от нее. И если цены на нефть упадут, то Стабилизационный фонд вам очень поможет. Хотя я не считаю, что в этот фонд надо класть абсолютно все «лишние» доходы. Другое дело, что в России помимо Стабилизационного фонда, который я бы советовал сохранить, есть еще и другие

резервы. Это валютные резервы Центрального банка. Несколько лет назад они были меньше, чем в Польше. А теперь составляют 140 миллиардов долларов. Кто-то, конечно, может показать на Китай, у которого резервы превышают 600 миллиардов, и спросить: разве у России большие резервы? Но я думаю, что надо разработать экономический механизм, чтобы часть этих денег – около 25–30% – использовать на модернизацию российской экономики. Это могут быть кредиты предприятиям для закупки новых высоких технологий, чтобы впоследствии их продукция была более конкурентоспособна и чтобы Россия не так зависела от экспорта нефти.

– Россия давно пытается присоединиться к ВТО, но пока безуспешно. Польша же является членом ВТО уже 10 лет. На ваш взгляд, эта организация действительно так важна, чтобы стремиться попасть в нее любой ценой?

– Во вступлении в ВТО для России есть как плюсы, так и минусы – и требуется долгосрочный анализ последствий такого шага. Дело – в балансе. Для некоторых отраслей первые годы после вступления в ВТО могут быть очень тяжелыми. Однако в перспективе российским производителям будет легче получить доступ на международный рынок. У Польши, к счастью, проблем со вступлением в ВТО не было, поскольку она состояла в предшественнике этой организации – ГААТ – и автоматически стала членом ВТО в 1995 году. Как, например, и Куба. Хотя очевидно, что экономика Кубы – менее рыночная, чем российская. Я бы сказал, что важен не только итог – статус члена ВТО, но и сам процесс интеграции в эту организацию. Он работает как катализатор, ускоряющий экономические реформы и реформы рыночных институтов.

– Повлияло ли «дело ЮКОСа» на отношение западных инвесторов к России?

– Это сложный вопрос. С одной стороны, никто точно не знает, что там происходит. На Западе и профессионалы, и непрофессионалы судят об этом деле по тому, что о нем говорят западные СМИ. И тут преобладают негативные мнения. С другой стороны, я не считаю, что «дело ЮКОСа» влияет на решение глобальных инвесторов вкладывать или не вкладывать в экономику России. Они основываются совсем на других критериях.

– Господин профессор, вы много преподаете в Европе и в США. Можно ли сказать, что российские студенты в своих взглядах на экономику, на принципы рынка не отличаются от своих западных коллег? Или на них до сих пор есть некая «печать» советскости?

– Американские студенты учатся более упорно, так как учеба у них очень дорогая и они знают, что от того, как они закончат университет, зависят их шансы на хорошую работу и хороший заработок. В России, да и в Польше, студенты еще не видят здесь прямой зависимости. Я здесь говорю в широком смысле, а не конкретно о Московской школе экономики. Она небольшая, элитарная. Это, скорее, исключение. Но я бы сказал, что российские студенты задают больше содержательных вопросов, чем их американские коллеги. Это очень хорошо!

- Как бы вы охарактеризовали экономическую политику в России последних лет?

– Сейчас ваша экономическая политика намного лучше, чем пять лет назад. Это видно и по результатам. Но рост ВВП – неустойчив и зависит от цен на нефть. Раньше же он зависел от одноразового эффекта девальвации рубля в 1998 году. И если администрация президента Путина не воспользуется великим шансом для проведения институциональных реформ, рост экономики уже вскоре может прекратиться.